

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ, ОСВЕЩАЮЩЕЕ НИЖНИЙ МИР.

О книге И. Ермаковой «Медное зеркало» (М.: ОГИ, 2023)

Погорелая Елена Алексеевна

кандидат филологических наук, литературный критик

Российский государственный гуманитарный университет

email: ellisatis@mail.ru

Аннотация. Материал представляет собой развернутую рецензию на книгу современного поэта И. Ермаковой – «избранное» за несколько десятилетий. Автор отклика доказывает, что в книге Ермаковой есть определенный сюжет, позволяющий оценивать ее стихи как современные, когда бы они ни были написаны.

Ключевые слова: И. Ермакова, И. Бродский, А. Тарковский, современная поэзия, лирическое «я», книга стихов.

Бронзовые и латунные зеркала – символ Солнца, универсальные зеркала.

Серебряные зеркала – символ Луны. Их можно носить как под одеждой, так и напоказ в качестве личного амулета.

Медные зеркала – символ Черного Солнца, освещающего Нижний Мир...

Из истории кузунгу – шаманского зеркала

1

Интересно, знает ли об этой шаманской символике сама Ермакова? Или ей ближе трактовка Древнего Востока, подразумевающая, что медное зеркало означает красоту и гармонию в отношениях – не только с возлюбленным, но и с миром вообще?

Скорее всего, знает и то, и другое.

Об этом свидетельствует первое же, программным жестом открывающее книгу, стихотворение, настолько показательное, что каждую строфу в нем можно использовать как ключ и к ермаковскому сборнику, и к современности как таковой:

Я развел костер, накормил пламя,
Влил в него тысячу капель крови,
Золотой, замедленной своей крови,
Настоявшейся – горючей, зрячей.
Взликовал огонь, закричал, забился,
Заревел огненными языками,

Расстрелял искрами тьмушую темень,
И они взвились, прорываясь в звезды.
Дымовой столп уперся в небо,
И, качаясь, как змей в чешуе искрящей,
Просочился в ухо верхнего мира.

.....

Я развесил вокруг огня амулеты
На стволах красных еловых-кедровых,
На стволах крепких корявых-стройных,
На дремучих сучьях оледенелых,
На бессонных ветках кустов снежных.
Зазвенели угли в очерченном круге,
Заходили под ними теплые корни,
Завозился сугроб, как медведь в берлоге,
Кровь земли оттаяла, отворилась,
Соль земли очнулась и с талым снегом
Просочилась в ухо нижнего мира...

С культурой Востока Ермакову роднит давняя история с созданием своеобразной «маски» – автора японских танка поэтессы Ёко Иринати (под ее именем выпущена книга-мистификация, состоящая будто бы из переводов с японского, – «Алой тушью по черному шелку»).

С культурой языческого шаманизма – стремление к соединению трех потерявших целостность, утративших прежнюю нераздельность миров:

Тысячу лет я хранил эту землю,
Землю и всех, кто здесь обитает,
Бегают, пашет, думает, дышит,
Плавает, любит, поет, летает.
Всех, кто растет из земли хранимой.
Тысячу лет я держал все это...

...А сегодня сила моя на исходе.

Воспалилось, перекошилось время.
Искривилось тело земли милой.
Средний мир накрыла алчная злоба –
Не дает дышать, и хрипит мой бубен.

Ничего не помнят. Едят друг друга.

И никто не чувствует боль чужую.

Поэзия Ермаковой давно, еще с 1990-х годов, вошла в сознание читателя как *радостная* («Ермакова поет радость бытия...» [Чкония 2008]), *праздничная* (в ее стихах «и в самом пропащем персонаже, и в самом затертом языковом клише всегда просвечивает начальная праздничная изнанка» [Куллэ 2009]), наконец, *гармоничная* («важная особенность художественного мира Ермаковой – горацанская гармоничность и уход от крайностей» [Саломатин, Скворцов 2023: 18]), – редкая выборка для современной русской литературы. Однако ермаковское избранное, вышедшее в прошлом году и сопровождаемое блистательным предисловием филологов А. Саломатина и А. Скворцова, сразу предупреждает читателя о нарушении этой исконной гармонии.

«Воспалилось, перекошилось время...»

Воспалившееся время – это даже не знаменитое время Гамлета, которое, как мы помним, «is out of joint», то есть «вывихнулось», «распалось», «вышло из пазов». Вывих времени можно вправить – как верил Гамлет, даже усилием отдельного человека; с этой уверенностью была согласна целая «толпа гамлетов» (по Е. Евтушенко) XX века, каждый из которых примерял на себя роль восстановителя разрушенной связи времен. «Воспаление» так просто не вылечишь. Это признак затяжной и еще непонятной болезни, которая произошла оттого, что «средний мир накрыла алчная злоба», – то есть проблема не в яростной воле духов, не в языческом роке, а в том, что люди «ничего не помнят», «едят друг друга» и несут угрозу всему живому и дышащему на земле.

Отдельный человек против этой зловещей заразы (заставляющей вспомнить едва ли не о трихинах из «Преступления и наказания») бессилен. Одолеть коллективную болезнь можно лишь столь же «роевым», коллективным усилием – вот шаман, старый Яро, и призывает на помощь («Тысячи духов святых стекайтесь, / Тысячи духов святых сбегайтесь, / Тысячи духов святых слетайтесь...»), ибо чувствует, что не выдержит вскоре тяжести своего одинокого бремени:

Эта боль изгрызла меня, спалила.

Вместо глаз – хруст, замерзлые слезы.

Под сырой землей, в мерзлоте вечной

Подымается, закипает горе.

Ходуном ходят, ухая, горы.

Прикрываются пеной моря больные.

Выручайте, товарищи боевые.

Я устал, а уйти не могу, коллеги.

На кого оставишь? Тут все живое –

Затаилось. Полярная смотрит зверем.
Я уже почти прозрачен, ребята.
Поспешайте, сестры мои и братья...

Ироническое «коллеги», органично вплетаясь в стилизованное шаманское бормотание, мгновенно перебрасывает нас в современность. Это не «старому Яро», а нам сегодня нужна роевая работа, чтобы началось то самое «мира преображение, / Света перелицовка», о которых говорит Ермакова. Открывающий книгу текст завершается на обнадеживающей ноте, и дальше мы имеем дело именно с хрониками (грядущего) преображения.

С восстановлением событий, предшествовавших необходимости обратиться за помощью к духам – и к человеку.

2

Восстановление начинается с «Провинции» – раздела, в котором собраны стихи из первой одноименной книги Ермаковой 1991 года.

Хронотоп провинциальных 1990-х настраивает на балабановский лад, однако ничего подобного нет в стихах Ермаковой. Ее эмоциональные доминанты – не тлен, а расцвет, не упадок, а барочная избыточность, выступающая «в роли универсальной основы миропорядка» [Куллэ 2009], не мрачная печаль, а радость и ликование. Впрочем, в «Провинции» поэтика Ермаковой пока еще только угадывается – то по случайной ассоциативной вспышке, отбрасывающей к более поздним стихам с их постоянной символикой («ос шестерка – мира улей!»), то по сквозной пронизанности верхнего и среднего (а то и нижнего) миров. «Мир занят войной и любовью», – констатирует, вслед за Томом Сойером и О. Мандельштамом¹, лирическая героиня в «Провинции» – десять лет спустя, в «Колыбельной для Одиссея», она же подводит итог, окидывая взглядом опустевшую комнату: «Горит на солнце медный скрип уключин, / кот на руках орет, как заводной: / сквозь фокус линз – прозрачен и беззвучен / мир, занятый любовью и войной». Провинциальный город населяют четыре евангелиста: «Лука лукав, литературен, / Матфей мастит, суров и рьян...» – в 2007 году в книге «Улей» они обернутся рыбаками Софоклом и Еврипидом, переругивающимися на Москве-реке. И тех, и других легко будет спутать с соседями-забуддыгами, но и сама Ермакова не делает между ними большого различия:

¹ Ирина Ермакова – мама двоих сыновей, поэтому в этом случае вновь, как в случае с шаманской и японской символикой, непонятно, что ей ближе: указание на Тома Сойера, который «занят войной и любовью» (название главы), или на «Бессонницу» Мандельштама, говорящего: «И море, и Гомер (читай: война – *Е. П.*) – всё движется любовью...»

Где сойдутся старики, там драка.
Ходят по тулупам кулаки.
Есть у наших рыбаков такой обычай,
свистнет сеть – другому в харю тычет:
– Ты ли в среду срезал мне крючки?

Дед поднялся, проглотил обиду,
закурил, ушел в дым:
– Значит, ты – не веришь Еврипиду?
Нет, Софокл не верит никому...

От «Провинции» переходим к «Винограднику» (1994) – в сущности, еще одной «глухой провинции у моря», которая становится спасением во время разрушения Империи.

Лирическая героиня удаляется от дощатых заборов, за которыми кукарекают петухи, от «трупов родных деревень», от пустых кофеен – в раковину внутреннего существования. «Провинция» предполагала познание мира – «Виноградник» делает ставку на познание себя, на изучение собственных эмоциональных способностей. В сущности, весь «Виноградник» держится на одной эмоции, на одном жесте – на признании в любви. То медленном, успокаивающем, медитативном («я люблю тебя, как умеет любить вода»), то безбашенным и открытым («А я лежу, и я люблю тебя. / И, наконец, кому какое дело?»), то беглым, почти ритуальным, как прощальное проборматывание («Я вас люблю. / Всё будет хорошо») ... Оттого-то, может быть, и виноградник – как напоминание о Песне Песней? Но от кого и кому адресовано это признание?..

На это отвечает последнее стихотворение раздела, в котором в духе пушкинского «Пророка» происходит рождение поэта:

Когда обмирает природа
И гаснут ночные слова,
На южном торце небосвода
Восходит моя голова.
И космы лучей ее медные
Похожи на вспыхнувший куст.
Змеятся названья предметные
Вдоль черных, вдоль выжженных уст.
И Божии горы, и впадины,
И всякая тварь на земле
Оставили шрамы и вмятины
На скрытую челкой челе.

Не слышит победного клика
Ваш мир, погруженный во тьму,
Что тело мое – это Ника,
Ему голова ни к чему.
И, шурясь, Создатель старается
Прочсть называнья с листа,
В руке у Него ухмыляется
Былая моя красота.
И весело видеть, как ладно,
Как чисто смыкается ряд,
Пока над землею холодной
Горящие перья летят.

Именно здесь рождается та Ермакова, которая впоследствии напишет и «Колыбельную для Одиссея», и «Улей», и «В ожидании праздника». Просвещенный (и посвященный) читатель услышит в торжественном, почти одическом, распеве не только отзвуки «Пророка» (о нем напоминают «горящие перья» шестикрылого серафима, чьим не столько творением, сколько подобием ощущает себя лирическая героиня), но и предание о профиле М. Волошина, выступающем из крымских гор. Лирическое я Ермаковой определено в родстве с волошинским древним *гением места* – в родстве не просто по принадлежности к «крымскому тексту» русской поэзии (многие стихи Ермаковой посвящены родной Керчи), но и по сознательно занятой ими обоими позиция *над исторической схваткой*.

Это родство особенно отмечают авторы предисловия к «Медному зеркалу»:

Важная особенность личной системы ценностей Ермаковой – отсутствие категорического противопоставления своих и чужих, стремление понять и тех, и других. В ситуации, когда изначальное единство трагически расколото, лирический субъект выбирает пограничье, не принадлежа к одному из миров, но сохраняя открытость, которую не следует смешивать с моральным релятивизмом <...>

Для носителей русской культурной памяти подобный выбор также вызывает стойкие ассоциации с Крымом: эмблемой его стал кокетельский дом поэта Максимилиана Волошина. Не случайно кредо современного автора перекликается со знаменитой формулой из стихотворения кокетельского визионера «Гражданская война»: «А я стою один меж них / В ревущем пламени и дыме / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других». Формула эта почти буквально цитируется уже в одном из ранних стихотворений Ермаковой: «...всё покрывающий снег / похож на молитву за тех и за этих. За всех» [Саломатин, Скворцов 2023: 28–29].

«Всё покрывающий снег» – это из «Колыбельной для Одиссея» (2002), самого, пожалуй, известного сборника Ермаковой, составляющего четвертый раздел «Медного зеркала». «Колыбельной...» предшествует «Стеклянный шарик» (1998), затем идет «Улей» (2007): программные сборники, достоверно и точно фиксирующие не только личный путь родившегося «на южном торце небосвода» поэта, но и путь мира, для которого звучит поэзия Ермаковой.

Потому что главное, что делает ермаковская лирическая героиня еще в «Винограднике», – это признается граду и миру в любви несмотря ни на что.

3

«Стеклянный шарик» – первая книга Ермаковой, которая была по-настоящему замечена в литературном пространстве². С позиции сегодняшнего дня она воспринимается, в соответствии с символикой стеклянного шара – магического кристалла, позволяющего заглянуть в будущее, – не иначе как предсказание.

У Ермаковой, впрочем, не мистический шар, а детский шарик: нечто хотя и космическое, но при этом домашнее, игровое. Однако уже в первом стихотворении раздела («Бог хочет пить. Налей и позови...») дом разворачивается в космос, а книга – в попытку высветить, выглядет, выворожить путь мира, в котором «ты уже не будешь никогда / ни двадцатидвухлетним, ни – красивым», но в котором лирическое я чувствует себя на своем месте, ибо встает вровень с предшественниками, тоже стремившимися гадательно определить путь в книге судеб.

Что характерно для Ермаковой, это ощущение равенства и созвучия опять-таки обеспечивает любовь:

Мы долго жили вместе на земле,
оглядываясь, я скажу – веками,
над водами, бегущими в золе,
друг друга развлекая пустяками...

Интонация знаменитого «Так мало вместе прожили, что нет...» считается сразу же, как будто бы Ермакова ступает за Бродским след в след. Сперва даже непонятно, мужской ли – вновь – голос в стихотворении звучит или женский; однако в следующей строфе становится ясно, что говорит женщина, и говорит, отвечая не столько Бродскому, сколько другому поэту – старшему современнику нобелевского лауреата:

² См.: [Фаликов 2000], [Мамедов 2003] и т.д.

Когда ты говорил мне: Посмотри, –
ладонью больно прижимая веки,
в округе останавливались реки,
просвечивали пальцы изнутри,
и небеса под воду шли на дно,
речных распуская постояльцев,
и я смотрела кроткое кино
сквозь розовую дрожь холодных пальцев:
как будто рыбы, проплывали зал
облепленные тиной светила, –
а помнишь – ты меня почти не знал,
а помнишь – я тебя почти любила...

Конечно, это «Первые свидания» Тарковского. Оттуда «подымаются» рыбы, слетаются птицы; образным рядом Тарковского отзываются «веки» («И синевую тронутые веки / Спокойны были...», мы это читали), «светила» и даже «кроткое кино», заставляя вспомнить, что «Первые свидания» отца звучат в «Зеркале» сына. Однако голос героини и адресата стихотворения в исполнении Ермаковой подсказывает: в то время, как лирический герой «Первых свиданий» (да и элегии Бродского, если уж на то пошло), овеянный воздухом трагедии, в оторопи замирает перед идущей по следу судьбой, героиня ермаковской элегии ясно осознает, что судьба не при чем. В том, что ветхозаветный рай обеих пар оказался разрушен, виновен лишь «средний мир» – мир человека:

...а помнишь, ангел, как издавека
мы праздновали жизнь в ее развале,
как честно мы валяли дурака,
как нежно мы друг друга убивали?

Там и сейчас еще бежит вода,
пересекая вечные покои,
и чтоб я не боялась, иногда
ты прикрываешь мне глаза рукою.

Здесь нужно сделать некоторое отступление и заметить, что то, что книга, изданная в 2023-м, включает в себя стихи, написанные до 2020-го, – это хороший и умный издательский ход. Отсутствие привязки к актуальной повестке, с одной стороны, лишает стихи чрезмерной публицистичности и предостерегает от того, чтобы искать в них определенные политические аллюзии

и намеки – чем сейчас увлеклись, забывая, что поэзия-то вообще не про это; с другой – заставляет воспринимать тексты в более широком контексте, иногда удивляясь тому, насколько точно вписываются они в предлагаемые исторические обстоятельства. Такова имплицитная, если угодно, особенность настоящей поэзии; таково и воздействие лучших стихов Ермаковой – потому что, хотя, казалось бы, о современности после 2022-го в книге не сказано ничего, однако в свете текущих событий *все ее тексты читаются как современные и звучат как пророчество*.

Особенно это касается, конечно, раздела «Колыбельная для Одиссея», где архетипические отношения мужчины и женщины как будто бы разбиваются надвое.

Мужчина строит отношения не с женщиной, а с войной («Толчея на приморском бульваре, озноб от вестей, / раскаленные плечи каштанов подробности сеют. / Все видали, как в сторону моря спешил Одиссей, / обнимая за смуглые плечи свою Одиссею...»). Женщина – с миром.

Первый – странствует и завоевывает, вторая («А война твоя – вечная девочка, между прочим, / По сравнению с верной вечной ветреной Пенелопой...») – хранит и оберегает.

Первый наблюдает стремительную внешнюю экспансию – при внутренней статичности – мира. Вторая – его медленные, но неумолимые изменения, делающие бессмысленными все прежние подвиги и приключения, так как каждое следующее поколение начинает их вновь:

Милый, пока ты шлялся, все заросло клевером,
розовым клейким клевером, едким сердечным листом,
вольное время выткано, вышито мелким клевером,
я заварю тебе клеверный горький бессмертный настой.

Пей, корабли блудные зюйд прибывает к берегу,
пей, женихи вымерли, в море высокий штиль,
пей, сыновья выросли, им закрывать Америку,
пей, небеса выцвели, пей, Одиссей, пей!

Как будто бы при столь разной оптике невозможно договориться, но есть одна точка, из которой и Пенелопа, и Одиссей (и мужчина, и женщина) видят одно и то же – родную Итаку, образ которой каждый из них носит, как ни крути, в своем сердце. И если над этой Итакой сгущаются тучи, то «гендерная» оптика пропадает. Неважно, кто видит ворону, парящую над Итакой «еще с предпоследней войны»; важно, что и мужчина, и женщина знают, что предвещает ее появление – и торопятся зафиксировать дорогой для них мир в общем фокусе, пока еще это возможно, пока еще всякие фокусы не смещены:

Так и сидит здесь –
еще с предпоследней войны.
Перышки чистит, косит, подает голосок.
Во поле – травы, любезной отчизны сыны,
куст ежевики разбух, посинел и намок.

Или поднимется, вскинется – чуть дрожа,
небо качнет – на крестовых, на легких ногах,
серая грудь колесом – до чего хороша –
и побредет по колено в сырых облаках:
красные точки в глазницах и вечный разбой,
травные волны горою встают за тобой.

Спой, не стыдись за державу, да бог с ней, с лисой,
ты лучше всех ей разбитое держишь лицо,
ты лучше всех и поешь ее, славу верша,
во поле воин единственный, птичка-душа.

4

После такого разлета и зависания в зените совсем современно воспринимаются стихи из следующих сборников-разделов. Из «Улья» (2007) с их щемящей нотой любви к ближнему (буквально – к соседу: забулдыге, инвалиду, самоубийце: безумному «Гоге из 102-й», безногому сапожнику дяде Пете, безъязыкой малолетке «Ольке-дьяволенку»), из книги-мистификации «Алой тушью по черному шелку» (2012) с их готовностью вновь остранисть вечные, архетипические сюжеты любви и разлуки («Ты вернешься другим / из похода. / Привезешь расписной веер, / а на нем – дорогие картинки! / Западный ветер»), из «Седьмой» (2014) с их обытовлением, очеловечиванием вечных библейских сюжетов («Первая – девочка. Вторая – почти старуха. / Над головами их по горящей сфере. / – Слушай, Маш, а он... Он тебе – верит? / Верит Иосиф, что... от Святого Духа?»)... Но как? Почему? В чем секрет? Ведь крупницы «пристальной прозы» в стихах Ермаковой всегда служили точными метками современности, всегда привязывали ее тексты к конкретному плану в истории. «А Иван под Грозным голову сложил, / кругло стриженную голову...» – это о местных войнах 1990-х, граффити на беленой стене из стихотворения памяти матери – это о детстве, проведенном в южной Керчи...

А вот стихи, написанные ею до 2022-го, читаются как будто бы о сегодняшнем дне.

Возможно, это примета не столько поэзии Ермаковой, сколько нашей истории, которая издревле существует в календарном хтоническом цикле, повинующемся воле языческого рока и древних стихий? В таком случае логично, что стихотворение «Февраль», пронизанное уже совсем не пастернаковскими ассоциациями: «южный ветер / на всем божьем свете / языки раскалывает / раздувает ад / мечутся по ветру / птицы и дети / дети и птицы / искрами летят...», – написано в 2014-м. Стихия, несущая воздух трагедии, захватывающий пласты одновременно верхнего, среднего и нижнего мира, не выбирает, откуда повеять, какие расшевелить языки – колокольные, человеческие, национальные... Но есть подозрение, что так увидеть стихию может лишь тот, кто близко с ней контактирует, и что именно его одинокий голос – голос старого Яро, или «ветреной Пенелопы», или вещи синицы, или того лирического субъекта, который авторы предисловия обозначили как «некую архетипическую женскую сущность, женское начало, а не его персонификацию» [Саломатин, Скворцов 2023: 19], – в последнем разделе книги обращается напрямую к читателю:

За́ ночь нас всех замело во сне
глухо накрыло одним сугробом
грузно рассыпчатым грозно огромным
ветер растет в цене
ветер куражится и грохочет
по ледяному дну
кружит бумажные клочья ночи
свищет на всю страну
и рассекая пространства пустые
буря летит вразнос
белой медведицей спит Россия
бурый в Европу нос
хвост в океан
азиатское брюхо
вздрагивает в снегу
ветер задрал ей мохнатое ухо
гонит в него пургу
вьюжные космы медвежьей шерсти
вздыблены за окном

Перезимуем и это вместе
с елочкой и вином
в лихо закрученном вое стужи

штопоре бытия
тьме предвесенней

Бывало и хуже
что ж убиваться так жизнь моя?

Круг замкнулся. Медное зеркало, сопровождающее шамана в странствии по разным мирам, вновь отразило современность и авторское понимание происходящего. Должно быть, если обратиться к сборнику Ермаковой спустя еще несколько лет, в нем опять неизбежно откроется нечто новое и современное; но пока нам вполне достаточно и этого ледяного праздника «с елочкой и вином», и этого медного отражения вечной русской истории, и этой надежды на обещанную по-этом «перезимовку».

Литература

- Козлов В.* Пределы праздника в поэзии Ирины Ермаковой // *Prosodia*. № 21. 2024. С. 63–84.
- Куллэ В.* Отогревающая речь (о стихах Ирины Ермаковой) // *Арион*. 2009. № 4. С. ?-?
- Мамедов А.* Между временем и культурой // *Дружба народов*. 2003. № 4. С. ?-?
- Саломатин Алексей, Скворцов Артем.* Изобретение луны // *Ермакова И. А. Медное зеркало: Стихотворения 1987 – 2020*. М.: ОГИ, 2023. С. 15–34.
- Фаликов И.* Занавес (обзор поэзии) // *Арион*. 2000. № 1. С. ?-?
- Чкония Д.* Живая жизнь Ирины Ермаковой // *Дружба народов*. 2008. № 9. С. ?-?